

ЧЕЛОВЕК В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ БЛЕЗА ПАСКАЛЯ

Михаил Степанович Иванов

доктор богословия
заслуженный профессор Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
Mashburo-md@yandex.ru

Для цитирования: Иванов М. С. Человек в религиозной философии Блеза Паскаля // Богословский вестник. 2019. № 4 (35). С. 72–86. doi: 10.31802/2500-1450-2019-35-72-86

Аннотация

УДК 141.412 (232)

Цель исследования — выявить отличительные черты религиозно-философского подхода Паскаля к человеку. Философ рассматривает человека в апологетическом ключе. Придать своей мысли такое измерение французского философа побудила эпоха, в которую он жил и в которой непрекаемым авторитетом в богословии стал Фома Аквинат, верный последователь аристотелизма. Иллюзорным представлениям Аквината о мировой гармонии, якобы царящей в окружающем мире, Паскаль противопоставляет описание мира, «лежащего во зле», и человека, «висящего над бездной». В этом описании звучат экзистенциальные мотивы. Однако духовный поворот, произошедший в душе философа, оградил его от философии экзистенциализма, и парадоксальность человеческого бытия начинает осмысливаться Паскалем в православном ключе. В этом же ключе он начинает отличать философию как любовь к мудрости Божественной от философии *по стихиям мира, а не по Христу* (Кол. 2, 8). Здесь философом даётся прекрасное описание человеческого разума в его потенциальном и актуальном состоянии, а также ничтожество человека и его величие, достигаемое им на пути его верности и любви к Богу

Ключевые слова: христианская антропология, Блез Паскаль, человек, Вселенная, бесконечность, познание, разум, Фома Аквинат, антиномия.

Обратиться к богословско-философскому наследию Паскаля автора статьи побудили две причины. Во-первых, близость его религиозных мыслей богословию Православной Церкви, хотя сам Паскаль был католиком, и, во-вторых, тем, что наследие философа в России «практически не изучено» до сих пор.

В 1904 г. профессор Московской духовной академии С. С. Глаголев писал: «В истории европейской мысли мы всегда с благодарностью и почтением будем указывать на двух философов, которые были католиками и взгляды которых приближались к православию. Это Блез Паскаль и Франц Баадер»¹.

Ровно через сто лет доктор филологических наук, профессор Б. Н. Тарасов, изучая творческое наследие Паскаля в контексте русской культуры, делает следующее замечание: «У разных народов есть философы, писатели и художники, творчество которых в силу целого ряда исторических, религиозных, духовных и эстетических особенностей становится сокровенно близким и родственным выразителям другой национальной культуры. Наиболее глубокие русские литераторы и мыслители всегда испытывали именно такое “избирательное сродство” по отношению к Паскалю»². Однако при таком «сродстве», как отмечает Б. Н. Тарасов, «творческое восприятие философского и литературного наследия Паскаля отечественными писателями и мыслителями практически не изучено ни у нас в стране, ни за рубежом. Уже давно созрела необходимость восстановления исторической справедливости по отношению к, условно говоря, “паскалевской линии”, влияние которой на питаемые христианскими традициями направления русской культуры по идеологическим причинам игнорировалось гуманитарной наукой в пользу “вольтеровской”»³.

Богословская наука, естественно, не могла игнорировать «паскалевскую линию». Однако до революции она не успела освоить оригинальное и глубокое творческое наследие великого мыслителя. После же катастрофических потрясений в России для православного богословия надолго была закрыта возможность такого освоения.

Чем привлекает к себе Паскаль? Если иметь в виду эпоху, в которую он жил, с её господством разума, казуистической моралью, разработанной иезуитами и иногда граничащей чуть ли не с кощунством, с её

1 Глаголев С. С. Блез Паскаль // БВ. 1904. Т. 3. С. 758.

2 Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник»: жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М., 2004. С. 7.

3 Там же.

схоластикой и формализмом, то трудно представить себе мыслителя, который мог бы в такие времена противостоять искажению христианского учения и благочестивой жизни и не только показать христианство в его глубине и величии, но и защитить его посредством апологетики, не потерявшей актуальности и сегодня. Также нельзя забывать, что ко времени Паскаля мировоззренческие терзания западного отца Церкви блж. Августина, размышлявшего противоречивости, разнородности, двойственности между жизнью человека и жизнью окружающего его мира, отошли в прошлое. На их место пришли идеализированные представления, согласно которым между человеком и миром существует «гармоничное двуединство вселенского бытия, одновременно трансцендентно-духовного, небесного, и имманентно-земного; и принадлежность человека сразу к этим двум мирам перестала ощущаться как разлад, а стала выражением именно его соучастия во вселенской небесно-земной гармонии»⁴. Произошла, как отмечает С. Франк, «рецепция аристотелизма — этого высшего научного выражения античного сознания упорядоченности и осмысленности вселенского бытия и сопринадлежности человека к этой вселенской гармонии»⁵.

Существенный вклад в усвоение этой рецепции, внёс святой Католической церкви, ангелический учитель Фома Аквинат, который всегда выступал как последовательный аристотелик. «У Фомы Аквинского, — пишет С. Франк, — всё в бытии рационально объяснено, поставлено на надлежащее место в системе мировой гармонии»⁶. Эту систему С. Франк иронически называет «изумительным синтезом»⁷ и продолжает: «Стоит только сравнить духовный мир Паскаля с духовным миром Фомы Аквинского, чтобы ощутить глубину совершившегося перелома, зарождение новой всемирно-исторической эпохи религиозной тревоги, длящейся до нашего времени... У Паскаля, научный гений которого прозревал математическую согласованность мироздания и религиозный гений которого заново открыл интимную связь человеческой души с Богом, человек (однако — *М. И.*) ощущает себя висющим над бездной. Его ужасает загадочное вековечное молчание бесконечных мировых пространств, в которые заброшен человек (здесь Франк почти цитирует Паскаля — *М. И.*), и его также ужасает бездна греха, иррациональности, бессмыслия, хаоса, бушующего в человеческом сердце.

4 Франк С. Л. Реальность и человек. Париж, 1956. С. 368.

5 Там же.

6 Там же. С. 370.

7 Там же. С. 368.

Душа человека... окружена и пронизана иррациональными силами мира. И в этом состоит рационально непримиримый трагизм человеческого существования, преодолимый только героическим усилием верующего сердца и притоком в него сверхмирной благодати»⁸.

Религиозная тревога Паскаля побуждала некоторых адептов экзистенциализма усматривать во французском философе своего сторонника и даже искать в его «мыслях» «истоки своей философии»⁹. Однако сложный жизненный путь Паскаля и его творческие искания едва ли позволяют, на наш взгляд, сделать столь однозначный вывод. При подходе к решению этой проблемы необходимо учитывать два фактора. Во-первых, поворотный момент в судьбе учёного и мыслителя, разделивший его жизнь на два переломных отрезка. Сам Паскаль был абсолютно уверен, что этот момент вызван не естественным ходом событий, совершавшихся в его жизни, а неожиданным действием Божественного провиденциализма, в результате которого он резко изменил свою жизнь.

Второй фактор обнаруживает себя в том, что религиозное обращение Паскаля побудило его пересмотреть свои предыдущие мировоззренческие искания. В первый период жизни его действительно часто волновали проблемы экзистенциального характера. Внимание на это обращают почти все, кто так или иначе знакомится с наследием французского философа, и при этом цитируют известные изречения Паскаля, преисполненные тоски, недоумения, ощущения трагической беспомощности человека и даже граничащие с его отчаянием, что сближает их с аналогичными высказываниями экзистенциалистов разных эпох. «В конечном счёте что же он такое — человек во Вселенной? — вопрошает Паскаль и отвечает: Небытие в сравнении с бесконечностью, всё сущее в сравнении с небытием, нечто среднее между всем и ничем. Бесконечно далёкий от понимания этих крайностей — конца мироздания и его начала, веки скрытых от людского взора непроницаемой тайной, он равно неспособен постичь небытие, из которого был извлечён, и бесконечность, которая его поглотит. При вечных отчаянных своих попытках познать начало и конец сущего, что улавливает он, кроме мутной видимости явлений? Всё возникает из небытия и уносится в бесконечность. Кто окинет взглядом столь необозримый путь?»¹⁰ Антропологическая безысходность Паскаля

8 Там же. С. 370.

9 Стрельцова Г. Я. Паскаль // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 208.

10 Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник». С. 633.

порой приобретала крайние черты. Философ буквально не находил себе места, испытывая при этом тяжелые душевные терзания. В одно время он пытался заглушить свои страдания светскими развлечениями и даже в какой-то момент увлекся ими. Однако его наблюдательность, способность к углубленному мышлению и предельная честность не позволили ему погрузиться в мирскую суету. В глубине сердца он услышал голос Бога, призывавшего его к Себе, и решительно последовал такому призыванию. С этого момента в судьбе Паскаля происходят кардинальные перемены. Он даже начинает вести полумонашеский образ жизни. С этого же момента меняется и его мировоззрение и закладываются новые основы его религиозных наблюдений. И хотя философ продолжает отмечать парадоксальность человеческого бытия, она выступает у него уже в преображённом виде, а «ничто», к которому устремлялась мысль многих экзистенциалистов, уходит с философского горизонта французского мыслителя.

Человек — одна из основных философских тем Паскаля, что даёт основание одним исследователям считать французского философа представителем «философской антропологии»¹¹, а другим — даже её основателем¹². Однако и здесь не всё так однозначно, как может показаться с первого взгляда. В этом нетрудно убедиться, познакомившись хотя бы с таким афоризмом Паскаля: «Пренебрежение философствованием и есть истинная философия»¹³. В данном контексте уместно вспомнить и другое знаменитое паскалевское изречение о том, что «Бог философов и учёных» это не «Бог Иисуса Христа». В лексиконе французского мыслителя, таким образом, есть два одинаковых слова: «философия» и «философия». Как первое, так и второе соответствуют их буквальному переводу и означают «любовь к мудрости». Однако о какой мудрости идёт речь? О мудрости «мира сего», которую обличает апостол Павел и которая на самом деле есть *безумие* (1 Кор. 1, 20), или о мудрости, сходящей к человеку, как отмечает апостол Иаков, *свыше*, которая, *во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна* (Иак. 3, 17)? К первому понятию «философия» могут быть применимы слова апостола Павла: *«Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну. Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?.. Потому что немудрое Божие премудрее*

11 Аверинцев С. С. София — Логос. Словарь. Киев, 2011. С.146.

12 Стрельцова Г. Я. Паскаль // Новая философская энциклопедия. Т. 3. С. 207.

13 Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник». С. 620.

человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор. 1, 19 — 20, 25). Жизненный опыт и мучительные искания подлинной мудрости научили Паскаля отличать одну философию от другой и мудрость Божественную от мудрости *века сего*. Основное различие между ними заключается в понимании роли разума в познавательном процессе.

Стремление к возвышению человеческого разума, имевшее место в эпоху гуманизма, было воспринято Паскалем весьма настороженно. Такая позиция учёного вызывает повышенное внимание, поскольку Паскаль, по замечанию С. С. Аверинцева, является первым мыслителем, который прошел «через опыт механистического рационализма XVII века» и при этом «со всей остротой поставил вопрос о границах “научности”, указывая при этом на “доводы сердца”, отличные от “доводов разума”, и тем самым предвосхищая последующую иррационалистическую тенденцию в философии...»¹⁴. Сразу же следует подчеркнуть: Паскаль не ставит целью «принизить разум», а тем более — отказаться от него. Он лишь хочет «отвести ему подобающее место и оценить его истинные возможности и границы познания»¹⁵. Философ возражает против превышения «полномочий разума и его превращения в верховного арбитра всего и вся, в меру всех вещей»¹⁶. Он критикует рассудочную односторонность автономного разума и его самонадеянность. Рассуждая о тайне мироздания, Паскаль пишет: «Люди дерзновенно берутся исследовать природу, словно они хоть сколько-нибудь соразмерны с ней. Как не подивиться, когда в самонадеянности, не менее безграничной, чем предмет их исследований, они рассчитывают постичь начало сущего, а затем всё сущее! Ибо подобный замысел может быть порождён лишь самонадеянностью, безграничной, как природа, или столь же безграничным разумом»¹⁷. У разума, по Паскалю, есть свои границы и своя мудрость, поэтому «будем стремиться, призывает он, хорошо мыслить; в этом — основа морали»¹⁸. В отношении разума ошибочны обе крайние позиции: как всецелая опора на его всемогущество и автономию, так и полное пренебрежение им. В этой связи Паскаль замечает: «Две крайности: зачеркивать разум — признавать только разум. Если бы всё в мире подчинялось разуму, в христианском вероучении не осталось бы места для того, что в нём

14 Аверинцев С. С. София — Логос. С. 146.

15 Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник». С. 502.

16 Там же.

17 Там же. С. 633.

18 Цит. по: Стрельцова Г. Я. Паскаль // Новая философская энциклопедия. Т. 3. С. 208.

таинственно и сверхъестественно; если бы ничто в мире не было подвластно законам разума, христианское учение оказалось бы бессмысленным и смехотворным»¹⁹.

Позиция французского философа в этом вопросе представляется весьма сбалансированной и объективной. Однако она в корне противоречила классической парадигме рационализма, родоначальниками которой были Декарт, Спиноза и другие западные философы. Не случайно поэтому в «Мыслях» Паскаля можно встретить довольно резкие высказывания их автора о Декарте. Как отмечает в этой связи русский мыслитель Д. С. Мережковский, «Паскаль противостоит не только всей западной философии от Аристотеля до Декарта, Спинозы и Канта, но и всей Католической церкви от Фомы Аквинского до Ватиканского собора 1870 г., осудившего отрицающих, что “при свете естественного человеческого разума бытие Божие достоверно познаваемо”»²⁰.

Специфика в понимании Паскалем роли разума в познавательном процессе объясняется целым рядом причин. Все они, как радиусы круга, сходятся в одной точке — в тайне окружающей действительности и человеческой жизни. Философ стремится проникнуть в эту тайну жизненно-интуитивно, онтологически. Он хочет созерцать бытие не в водовороте повседневности и суеты, а под знаком вечности. Его не устраивает претензия «на научный абсолютизм и окончательную системную завершённость секуляризованного автономного разума, который, говоря языком Паскаля, «ограничивает, обедняет и обеспокоивает многогранную полноту, широту и сложность, глубину и высоту реальной действительности»²¹. Эгоцентризм рационализма не позволяет Паскалю видеть новое измерение бытия, к которому он постоянно стремится. Рационально мыслящий разум для философа — это «флюгер на ветру», а не высший судия²².

Внимание Паскаля постоянно обращено к двум тайнам бытия: к тайне величия и к тайне ничтожества. Философ видит их и в окружающем мире, и в самом человеке. Изречение Паскаля: «Это вечное молчание безграничных пространств ужасает меня»²³ — сопрягается у философа с его ставшим уже классическим афоризмом о «мыслящем

19 Тарасов. Б. Н. «Мыслящий тростник». С. 616.

20 Там же. С. 397.

21 Там же. С. 278.

22 Стрельцова Г. Я. Паскаль // Новая философская энциклопедия. Т. 3. С. 207.

23 Цит. по: Аверинцев С. С. София — Логос. С. 146.

тростнике»: «Человек — всего лишь тростник²⁴, слабейший из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ожесточилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная — человек всё равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознаёт, что расстаётся с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не осознаёт»²⁵. Продолжая соотносить Вселенную и человека, философ замечает: «Вселенная охватывает и поглощает меня, как некую точку; а с помощью мысли я охватываю всю Вселенную»²⁶. Паскаль оказывается перед сложной дилеммой, поскольку выбор одной из двух противоположностей (величия или ничтожества) становится для него одинаково затруднителен. В своих дальнейших рассуждениях он даёт понять, что эта дилемма может быть разрешима только в границах христианской религии, поскольку методология христианского познания имеет в арсенале так называемый антиномизм, с помощью которого разрешение таких противоречий, в отличие от познания рационального, становится возможным.

Здесь необходимо сделать небольшое, но важное примечание. Многие исследователи творческого наследия Паскаля отмечают, что антиномии несомненно присутствуют в философии Паскаля. К их числу они относят практически все противоречия, какие встречаются в его «Мыслях». Однако в христианском контексте антиномии и противоречия — не одно и то же. Последние являются неустранимыми, независимо от того, как совершается познавательный процесс: логически, эмпирически, онтологически, мистически и т.п. Классическими примерами таких противоречий могут служить соотношения: «добро и зло», «святость и греховность». Противоречия же антиномические, называемые антиномиями, возникают лишь на низших стадиях познания, прежде всего на путях рационализма. На более же высоких стадиях они преодолеваются. В случае с паскалевскими афоризмами это чаще всего имеет место при сопоставлении (противопоставлении) философом величия и ничтожества, наблюдаемых в созданном Богом мире. Так называемые противоречия антиномические, приводящие в познавательном процессе к единству противоположностей, свидетельствуют не о столкновениях или разногласиях в этом мире, а совсем об

24 Здесь можно усмотреть аллюзию Паскаля на евангельское выражение: *трость, ветром колеблемая* (Мф. 11, 7).

25 Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник». С. 681.

26 Там же.

обратном: о глубокой тайне, заключённой в нём, о его величии и мудрости, которые эмпирическому познанию недоступны.

Это примечание приводит нас к однозначному выводу: в «Мыслях» Паскаля следует делать различие между неустрашимыми противоречиями и противоречиями антиномическими. Сам Паскаль, глубоко понимавший суть такого различия, в своих афоризмах соответствующий терминологический лексикон не использует.

Учитывая тот факт, что сочинения Паскаля носят апологетический характер, можно было бы предположить, что у их автора на первом плане окажутся противоречия антиномические, позволяющие живописать величественную картину созданного Богом мира в его таинственности, красоте, мудрости и непостижимости. Однако знакомство с «Мыслями» Паскаля опровергает это предположение. Более того, читающий труды французского философа неожиданно для себя обнаруживает, что Паскаль больше внимания уделяет противоречиям неустрашимым, которые не могут, как антиномии, сочетаться в единстве противоположностей. Он говорит о трагичности окружающего мира, его «вековечном молчании», о хрупкости человека, который находится в рабстве греху и постоянно побеждается враждебными ему силами не только духовными, но и природными. Чего стоят, например, такие слова Паскаля: «Ну, не фантастическое ли существо являет собой человек! Невидаль, чудище, хаос, клубок противоречий, диво дивное! Судия всему сущему, безмозглый червь, вместилище истины, клоака невежества и заблуждений, гордость и жалкий отброс Вселенной!»²⁷ В этом и подобных ему высказываниях мы встречаемся с удивительным феноменом паскалевской мысли, который позволяет философу в апологетических целях использовать не только антиномии, но и противоречия неустрашимые. Как Паскаль это делает? Он не только не уходит от объективных противоречий, но, наоборот, делает на них акцент, чтобы показать неестественность положения, в котором человек находится в окружающем мире и тем самым «подсказать» ему «разгадку сложной и запутанной человеческой природы: если бы человек никогда не был повреждён, он оставался бы полностью счастлив и справедлив и знал бы достоверную истину; если бы человек был только испорчен, он не имел бы никакой идеи о благе, истине и справедливости; но у нас есть идея счастья, а мы не можем его достичь; мы чувствуем образ правды, а обладаем только ложью; мы стремимся к бессмертию, а пребываем смертными существами; всё это говорит о том, что мы

стояли когда-то на высокой ступени совершенства, с которой упали»²⁸. Эту ступень Паскаль уподобляет трону короля, на котором последний восседал, но впоследствии лишился и его, и своей славы²⁹.

В этой связи невольно вспоминаются замечательные стихи Ф. М. Тютчева, в которых он, по существу повторяя Паскаля, пишет: «Всесилен я и вместе слаб. Властитель я и вместе раб...». Для Паскаля загадка человека, находящегося в таком состоянии, налицо. Однако сам человек не обращает на неё никакого внимания. Это весьма удивляет философа. Казалось бы, вопиющее противоречие в человеческой жизни должно было направить все усилия на разрешение этой загадки, тем более что человеку «для его жизни» отведён «ничтожный промежуток времени». Однако человек «старается забыть... забавляет себя игрой, охотой, политикой и таким образом убивает время, пока оно, в свою очередь, не убьёт его»³⁰. Находясь в таком состоянии, он уже «не способен выйти из дурной бесконечности... из глубиннейших коренных противоречий расколотого и раздробленного мира, не находя ни в чём твердой точки опоры»³¹.

К описанию состояния человека Паскаль обращается неоднократно. При этом он постоянно подчёркивает, что оно не есть результат онтологического изъяна, якобы присущего человеку с момента его появления в мире. Да и сам человек отчётливо осознает, что его униженное состояние — это, по выражению французского философа, «нищета великого господина, лишённого владений короля... Уже самый факт, что человек способен знать эту свою фактическую нищету и скорбеть о ней, есть признак его величия»³².

Что же произошло? В поисках корней великой трагедии, до основания потрясшей человеческое существо, Паскаль долго и настойчиво изучает природу человека и приходит к выводу: эти корни находятся там, где человек впервые нарушил нормы бытия. Такой вывод Паскалю помогает сделать христианская религия, в которой преступление, совершённое первыми людьми, называется первородным грехом. Его последствия как раз и вызывают те противоречия, какие существуют между величием и ничтожеством человека. Примечательно, что у

28 Там же. С. 508.

29 Там же. С. 413.

30 *Стороженко Н. И.* Паскаль // Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 2. С. 307.

31 *Тарасов Б. Н.* «Мыслящий тростник». С. 507–508.

32 Там же. С. 415.

глубокого французского мыслителя даже сами противоречия выступают в качестве апологетического аргумента. Их Паскаль использует для подтверждения истинности христианства. «Чтобы религия была истинна, нужно, чтобы она приняла во внимание это основное противоречие человеческой природы. А какая же религия яснее сознает это противоречие, чем религия христианская? Таким образом, христианство является единственной гипотезой, способной дать ключ к разгадке человеческого существования, и поэтому оно — единственно истинная религия»³³.

Как учёного, Паскаля постоянно привлекала проблематика бесконечности. «Ничто человеческое, — писал он, — не может удовлетворить душу, алчущую бесконечности»³⁴. Даже наука, в которую философ был погружён, не давала ответов на его вопрошания. Причину этого он усматривал как в греховности человека, познавательные силы которого были ослаблены, так и в возможностях человека, являющегося по природе ограниченным существом. В этой связи он писал: «Наше познание не может идти выше определенного уровня... потому что часть не может познать целого и даже соразмерных с ней частей, так как все части взаимосвязаны и в то же время обусловлены целым: нельзя знать частей, не зная целого; нельзя знать целого, не зная частей»³⁵. Паскаля удивляет бесконечность и непознаваемость Вселенной. Однако несравненно более он удивлён «безграничностью мыслимой природы»³⁶, имея в виду природу самого человека. Её он называет «природой одного атома». Паскаль пишет: «Пусть (человек — *М. И.*) узрит в этом атоме неисчислимые вселенные и у каждой — свой небосвод, и свои планеты... и те же соотношения, что и в нашем видимом мире...»³⁷. Всё это многообразие «можно делить, не зная отдыха и срока, пока не закружится голова от этого второго чуда (философ имеет в виду чудо человека — *М. И.*), столь поразительного в своей малости, сколь первое (т. е. Вселенная — *М. И.*) — в своей огромности; ибо как не потрястись тем, что наше тело, такое неприметное во Вселенной, являет собой на лоне сущего, вопреки этой своей неприметности, истинного Колосса, целый мир, вернее, всё сущее в сравнении с небытием, которое так и остаётся непостижимым для нас»³⁸.

33 *Стороженко Н. И.* Паскаль // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. С. 307.

34 *Голубков А.* Паскаль // Католическая энциклопедия. М., 2007. Т. 3. С. 1311.

35 *Тарасов Б. Н.* «Мыслящий тростник». С. 187.

36 Там же. С. 633.

37 Там же.

38 Там же.

Проблема непостижимости пронизывает буквально все «Мысли» Паскаля. При этом самым таинственным для философа остаётся человек. Однако было бы ошибкой назвать Паскаля агностиком или скептиком. Дело в том, что процесс христианского познания, не прекращавшийся у философа до конца жизни, достиг таких глубин, которые позволили ему приоткрыть первичную основу человеческого бытия. К пониманию этой основы философ подводит читателя постепенно. Свои рассуждения на эту тему он начинает с простых и понятных каждому вещей. «Зачем мы живём в мире? — вопрошает Паскаль и отвечает: Мы пришли в мир, чтобы любить и наслаждаться; это не требует никаких доказательств, потому что чувствуется (каждым — *М. И.*) человеком»³⁹. Говоря об этом, философ, естественно, имеет в виду не плотские удовольствия и всевозможные пресыщения, какие лишь вредят и без того больной человеческой природе, а всё то возвышенное и одухотворённое, что облагораживает людей и делает соответствующими их высокому предназначению. Идя таким путём, Паскаль постепенно приходит к тому идеальному началу, которое как раз и служит основой человеческого бытия. Ею для Паскаля является любовь. Этот вывод философ снова использует в апологетических целях, поскольку понимает любовь не как чувственное удовольствие, а как онтологическое свойство, коренящееся в Боге, Который Сам есть Любовь.

В приоритете, отдаваемом любви, находит объяснение и то предпочтение, какое Паскаль оказывает человеческому сердцу как познавательному органу. Именно сердце, а не разум или какие-либо другие силы человека, «помогает нам, — пишет Паскаль, — постичь начало начал, и тщетны все усилия разума, неспособного к такому постижению, опровергнуть доводы сердца»⁴⁰, потому что «у сердца, — отмечает философ в другом месте, — немало своих собственных разумных, по его понятию, чувств, непостижимых разуму»⁴¹. Все эти чувства сходятся в любви, в которой как раз и осуществляется непосредственное и подлинное познание Бога. Любовь, по Паскалю, — основа такого познания. Своеобразию последнего философ уделяет много внимания в тех текстах, где он говорит о Христе. Для него Христос — не объект познания. Евангельские слова: «*Познаете истину, и истина сделает вас свободными*» (Ин. 8, 32) — и другие аналогичные тексты он объясняет, исходя из древнего библейского понимания познания как соединения, что даёт

39 *Стороженко Н. И.* Паскаль // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. С. 306.

40 *Тарасов Б. Н.* «Мыслящий тростник». С. 744.

41 Там же.

ему основание говорить о познании Бога не как о накоплении о Нём информации, а как о соединении с Ним. «Человек не умом, а сердцем чувствует Бога, — пишет он и добавляет, — это и есть вера... Вера — дар Божий. И не рассчитывайте, что мы станем утверждать, будто она — дар нашего разума»⁴². Такое ощущение веры, естественно, не сводится лишь к признанию того, что Бог существует. Оно приходит к человеку в процессе его приближения к Живой Истине, Которой является Сам Бог (Ин. 14, 6) и соединение с Которой обуславливает его возрождение и его вечную жизнь в любви, ибо истина, по Паскалю, познаётся любовью. «Вот почему те, кого Бог сподобил обрести веру по велению сердечного чувства, — заключает философ, — так счастливы, а их убеждения так неколебимы»⁴³. Относительно же тех, кто такую веру ещё не нашёл, «нам, — рекомендует Паскаль, — остается одно — склонять этих людей к вере доводами разума в ожидании, пока Господь не откроет их сердцам истину, ибо только вера, идущая от сердца, возвышая человека над всем человеческим, обещает ему вечное спасение»⁴⁴.

В заключение необходимо еще раз отметить, что религиозная философия Б. Паскаля была действительно уникальной. Она шла наперекор как схоластике Католической церкви, к которой философ принадлежал, так и современной ему философии, господствовавшей в «век разума», поэтому Б. Паскаль был и остаётся близок всем тем, кто ищет живой связи с Богом и вечной жизни в Нём. Светлая радость, с которой он жил во Христе, привела его к жизнеутверждающим и полным надежды последним словам в его жизни: «Да не оставит меня Бог никогда»⁴⁵.

Библиография

- Аверинцев С. С.* София — Логос. Словарь. Киев: «Дух и Литера», 2011.
- Глаголев С. С.* Блез Паскаль // БВ. 1904. Т. 3. С. 736–758.
- Голубков А.* Паскаль // Католическая энциклопедия. М.: Научная книга (Издательство Францисканцев), 2007. Т. 3. Стб. 1310–1312.
- Стороженко Н. И.* Паскаль // Христианство. Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. Т. 2. С. 305–307.

42 *Тарасов Б. Н.* «Мыслящий тростник». С. 745.

43 Там же.

44 Там же.

45 Там же. С. 233.

Стрельцова Г. Я. Паскаль // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 207–208.

Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник»: жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М.: Языки славянских культур, 2004.

Франк С. Л. Реальность и человек. Париж: YMCA-press, 1956.

Man in the Religious Philosophy of Blaise Pascal

Mikhail S. Ivanov

Doctor of Theology

Honored Professor of the Theology Department
of Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

Mashburo-mda@yandex.ru

For citation: Ivanov M. S. "Man in the Religious Philosophy of Blaise Pascal". *Theological Herald*, № 4 (35), 2019, pp. 72–86. (In Russian) doi: 10.31802/2500-1450-2019-35-72-86

Abstract. The aim of this study is to identify the distinctive features of Pascal's religious and philosophical approach to man. The philosopher considers man in an apologetic way. To give his thought this dimension of the French philosopher was prompted by the era in which he lived and in which the indisputable authority in theology was Thomas Aquinas, a faithful follower of aristotelism. Pascal contrasts Aquinas' illusory notions of the world harmony supposedly reigning in the surrounding world with the description of the world «lying in evil» and the man «hanging over the abyss». There are existential motives in this description. However, the spiritual turn that took place in the soul of the philosopher, shielded him from the philosophy of existentialism, and the paradox of human existence begins to comprehend Pascal in the Orthodox way. In the same vein, he begins to distinguish philosophy as the love of divine wisdom from philosophy by the elements of the world, and not by Christ (Col. 2, 8). Here the philosopher gives a beautiful description of the human mind in its potential and actual state, as well as the insignificance of man and his greatness, achieved by him in the way of his faithfulness and love for God.

Keywords: Christian anthropology, Blaise Pascal, man, universe, infinity, cognition, reason, Thomas Aquinas, antinomy.

References

Averincev S. S. (2011) *Sofija — Logos. Slovar' [Sophia — Logos. Dictionary]*. Kiev: «Duh i Litera» (in Russian).

Frank S. L. (1956) *Real'nost' i chelovek [Reality and man]*. Paris: YMCA-press.

- Golubkov A. (2007) "Paskal'" ["Pascal"] in *Katolicheskaia enciklopedija* [Catholic encyclopedia]. Moscow: Nauchnaja kniga, vol. 3, col. 1310–1312 (in Russian).
- Storozhenko N. I. (1995) "Paskal'" ["Pascal"] in *Hristianstvo. Jenciklopedičeskij slovar'* [Christianity. Encyclopaedic dictionary]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, vol. 2, pp. 305–307 (in Russian).
- Strel'cova G. Ja. (2001) "Paskal'" ["Pascal"] in *Novaja filosofskaja enciklopedija* [New philosophical encyclopedia]. Moscow: Mysl', vol. 3, pp. 207–208 (in Russian).
- Tarasov B. N. (2004) "Mysl'jashhij trostnik": zhizn' i tvorčestvo Paskalja v vosprijatii russkih filosofov i pisatelej ["Thinking cane": life and work of Pascal in the perception of Russian philosophers and writers]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur (in Russian).